

ГРЭМ МАСТЕРТОН

ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЕ

МОСКВА
ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)
М 32

Серия «Мастера ужасов»

Graham Masterton

PREY

This edition is published by arrangement with Peters,
Fraser and Dunlop Ltd and The Van Lear Agency LLC

Перевод с английского: Андрей Локтионов

В оформлении обложки использована

иллюстрация Станислава Галай

Дизайн обложки: Юлия Межова

Мастертон, Грэм

М 32 Жертвоприношение / Грэм Мастертон.—
Москва: Издательство АСТ, 2019.— 507, [3] с.—
(Мастера ужасов).

ISBN 978-5-17-114758-7

Дэвид Уильямс приезжает на остров Уайт ремонтировать старый викторианский особняк Фортифут-хаус, надеясь оправиться после неприятного развода с женой. Но в первую же ночь он слышит какие-то громкие шорохи на чердаке, днем видит призраки давно умерших людей у заброшенной часовни поблизости, а потом выясняет, что у местных жителей Фортифут-хаус пользуется дурной славой: вот уже целый век он связан с исчезновением детей по всей округе и с легендой о страшном чудовище по имени Бурый Дженкин. Только это не обычная история с привидениями. Зло, поселившееся в Фортифут-хаусе, куда страшнее и могущественнее любого призрака, и жизнь Дэвида скоро превращается в невыразимый кошмар, в котором гибнут люди, а прошлое, настоящее и будущее сплетаются в единую неразрывную нить.

© Graham Masterton, 1992

© Андрей Локтионов, перевод, 2016

© Станислав Галай, иллюстрация, 2017

© ООО «Издательство АСТ», 2019

Маленький мальчик слив захотел. Когда ел,
поперхнулся и в рай улетел.

Мальчик постарше за птичкой полез. С ветки
сорвался — печальный конец.

Девочка краски цветные нашла. Сунула в ротик
и умерла.

Слышите крики у нас под окном? Это за дет-
ками Дженкин пришел.

*Викторианские предостерегающие стихи
для детей, 1887 год*

Косматая тварь, размером не более крупной крысы, была известна в городе под кличкой Бурый Дженкин и являлась, видимо, порождением небывалого случая массовой галлюцинации; так, в 1692 году не менее одиннадцати человек под присягой утверждали, что видели ее собственными глазами. Сохранились и более поздние, совершенно независимые свидетельства; поражала невероятная, способная привести в замешательство степень их сходства. Очевидцы рассказывали, что зверек покрыт длинной шерстью, по форме сходен с крысой, имеет необыкновенно острые зубы; мордочка его, снизу и по бокам также поросшая шерстью, удивительно напоминает болезненно сморщенное человеческое лицо, а крошечные лапки выглядят как миниатюрная копия человеческих кистей. Голос отвратительного существа, по словам слышавших его, представляет собой невообразимо отвратительный писк, но при всем том оно свободно изъясняется на всех известных языках.

Ни одно из невероятных чудовищ, являвшихся Джилмену в беспокойных снах, не наполняло его душу таким смрадом и омерзением, как этот ужасный крошечный гибрид; ни один из ночных образов, переселившихся в воспаленный мозг юноши со страниц древних хроник и из рассказов его современников, не вызывал у него тысячной доли того страха и отвращения, какие внушала маленькая тварь, без усталости сновавшая в его видениях.

Г. Ф. Лавкрафт. Сны в ведьмином доме¹

¹ Пер. Е. Нагорных.

1. Фортифут-хаус

Перед самым рассветом меня разбудил какой-то осторожный шорох. Я замер и прислушался. Вших. Потом снова *вших-вших-вших*. И тишина.

В незнакомом окне легкий морской ветерок шевелил тонкие, с цветочным рисунком занавески, а бахрома висящего на потолке абажура извивалась, напоминая какую-то странную многоножку. Я продолжал прислушиваться, но мой слух улавливал лишь утомленный шум волн да перешептывание дубов за окном.

Снова шорох. Такой слабый и суетливый, что это могло быть что угодно. Белка на чердаке или ласточка на карнизе.

Я перевернулся на бок, завернувшись в скользкое атласное одеяло. В чужих домах я всегда плохо спал. На самом деле, после того как Джени оставила меня, я нигде не мог нормально спать. Был вымотан вчерашней поездкой из Брайтона и пе-

реправой из Портсмута. Да еще целый день распаковывал вещи и наводил порядок.

Дэнни тоже просыпался дважды за ночь. Первый раз, когда захотел пить, а второй — от испуга. Он сказал, что заметил, как что-то проходило через его спальню. Что-то сгорбленное и темное. Но оказалось, это всего лишь халат, накинутый на спинку стула.

Глаза у меня слипались. Если бы я только мог уснуть! В смысле уснуть по-настоящему. И проспять всю ночь, целый день и еще одну ночь. Я задремал, и мне приснилось, будто я снова в Брайтоне, гуляю по угловатым пригородным улочкам Престон-парка, между эдвардианскими террасами из красного кирпича, под серым, как на черно-белых снимках, небом. Во сне я увидел, как кто-то метнулся прочь от лестницы, ведущей в мою подвальную квартиру. Кто-то высокий и длинноногий. В какой-то момент он повернул ко мне свое заостренное бледное лицо, посмотрел на меня и поспешил прочь.

«Высокий красноногий портной, — услышал я чей-то шепот. — Он существует на самом деле!»

Я бросился было за ним вдогонку, но он каким-то образом оказался вдруг в парке, за высокой чугунной оградой. Синевато-зеленая трава. Павлины, кричащие словно обиженные дети. Я мог лишь бежать параллельно ему вдоль забора и надеяться, что не упущу его из виду, когда доберусь до ворот.

Грэм Мастертон. ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЕ

Мое дыхание напоминало раскаты грома. Ноги по-клоунски шлепали по дорожке. Я видел проплывающие мимо круглые лица — словно белые воздушные шары с человеческими улыбками. А еще слышал царапающий шорох, как будто за мной по пятам бежала собака, клацая когтями по асфальту. Я обернулся и, внезапно проснувшись, услышал какой-то суетливый шум, который могло издавать нечто куда более крупное, чем белка или птица.

Высвободившись из одеяла, я сел в кровати. Ночь была жаркая, и простыни смялись и промокли от пота. Я снова услышал слабое, нерешительное царапанье, которое вскоре стихло.

Я поднял с прикроватной тумбочки часы. Они были без подсветки, но в комнате было достаточно светло, чтобы узнать время: пять минут шестого. Господи.

Я слез с кровати, подошел к окну и отдернул занавески, висевшие на дешевых, покрытых пластмассой проводах.

Небо было белым, как молоко, колышущееся море за деревьями тоже было молочно-белого цвета. Слуховое окно моей спальни выходило на юг. Сквозь него я видел большую часть обманчиво покатога сада, ветхую, увитую розами беседку, лужайку с солнечными часами, ступени, ведущие к пруду и петляющие между деревьями до самых задних ворот.

Дэнни уже обнаружил, что там, за рядом маленьких уютных домиков с ящиками гера-

1. ФОРТИФУТ-ХАУС

ни на каждом подоконнике, есть крутой короткий спуск к набережной. Скалы, пенистый прибой, груды гниющих бурых водорослей, и прохладный солоноватый ветер, дующий прямо из Франции. Прошлым вечером я ходил с Дэнни на пляж, мы смотрели на закат, говорили с местным рыбаком, ловившим камбалу и палтус.

Слева от сада, на той стороне узкого заросшего ручья, возвышалась полуразрушенная и потемневшая ото мха каменная стена. Дальше, почти полностью скрытые ею, виднелись шесть или семь десятков надгробий — кресты, шпиль и плачущие ангелы, а также маленькая готическая часовня с пустыми окнами и давно обвалившейся крышей.

Как утверждали мистер и миссис Таррант, часовня некогда служила и обитателям Фортифут-хауса, и жителям деревни Бончерч, но теперь сельяне ездили на службы в Вентнор, если вообще куда-то ездили. Фортифут-хаус пустовал с тех пор, как Тарранты продали свой бизнес по производству ковровой плитки и переехали на Майорку.

Не скажу, что кладбище меня пугало. Скорее вызывало бесконечную грусть своей запущенностью. За часовней возвышался темный, похожий на перистое облако, силуэт древнего кедра, едва ли не самого крупного из тех, что я видел. Было в нем что-то такое, что придавало ландшафту ощущение усталости и сожаления о том, что прошлое не вернуть. Но еще, как мне казалось, ощущение непрерывности.

Грэм Мастертон. ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЕ

В этот утренний час сад казался бесцветным, как и все вокруг. Фортифут-хаус выглядел так же, как и на фотографии, висевшей в коридоре и датируемой 1888 годом. На снимке в саду стоял человек в черном цилиндре и черном фраке. И мне казалось, что он вот-вот появится во дворе, такой же бесцветный, строгий, усатый. И посмотрит на меня.

Я решил приготовить себе кофе.

Пытаться снова заснуть было бессмысленно. Птицы начинали свою свистопляску, тьма растворялась в небе так быстро, что я уже видел обвисшие теннисные сетки по другую сторону розового сада, теплицу, покрытую пятнами лишайника, и заросшие земляничные грядки, граничившие с Фортифут-хаусом с западной стороны.

— Надеюсь, мистер Уильямс, вам нравится наводить порядок посреди полного хаоса, — сказала мне при встрече миссис Таррант, осматривая все вокруг через маленькие темные очки.

У меня сложилось твердое впечатление, что ей не очень нравится Фортифут-хаус, хотя она постоянно повторяла, как сильно скучает по своему старому дому.

Я осторожно открыл дверь спальни, чтобы не разбудить Дэнни, спавшего в соседней комнате, и тихонько двинулся по узкому коридору. Куда бы я ни бросил взгляд, я везде видел, сколько работы мне предстоит. Бледно-зеленые обои покрылись пятнами сырости. Краска на потолке отслоилась. Подоконники сгнили. Батареи протекали, а краны

1. ФОРТИФУТ-ХАУС

на них обросли известняком. Весь дом был пропитан запустением.

Я дошел до узкой лестницы, круто уходившей вниз. И только собрался спуститься, как снова услышал шорох — на этот раз более суетливый, чем прежде. Я замешкался. Звук, похоже, шел с чердака. Не с карниза, как я ожидал, думая, что это птица, свившая гнездо, — а с чердака. Казалось, источник звука пересекал его по диагонали.

«Белки», — подумал я. Я терпеть не мог белок. Они те еще вредители, к тому же едят своих детенышей. Наверное, захватили весь чердак и превратили его в огромный зловонный беличий заповедник.

Сбоку от площадки была маленькая дверь, заклеенная такими же бледно-зелеными обоями, как и стены, что делало ее едва заметной. Миссис Таррант сказала мне, что это единственный выход на чердак, и поэтому они хранят там так мало мебели.

Я поднял дешевую ржавую щеколду и заглянул внутрь. На чердаке царила крошечная тьма, в спертom воздухе стоял запах сухой гнили. Я прислушался и услышал лишь слабый стук капель из протекающего шарового клапана в цистерне да свист ветра в черепице. Царапанье снова прекратилось.

Возле двери я нащупал старый пластмассовый выключатель. Поцелкал им пару раз, но лампочка, похоже, перегорела, либо в выключателе окислился контакт. А может, белки перегрызли провод-

Грэм Мастертон. ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЕ

ку. Сквозь окно на площадке проникало достаточно солнечного света. Поэтому, найдя большое зеркало, я прислонил его к перилам лестницы и осветил отраженным светом первые несколько ступеней, ведущих на чердак. Я подумал, что будет неплохо произвести небольшой осмотр. По крайней мере я получу представление, с чем имею дело. Я терпеть не мог белок, но пусть лучше будут белки, чем крысы.

Я сделал из ковра, лежавшего в коридоре, подпорку для двери, чтобы та не закрылась за мной, а затем осторожно поднялся на первые три ступеньки. Они были очень крутые, обшитые толстым коричневым фетром, не встречавшимся мне уже лет двадцать. Я чувствовал, как воздух овеивает меня непрерывным потоком, однако в нем не было ничего общего со свежим ветерком. Вокруг витал тяжелый запах, похожий на чье-то смрадное дыхание. Словно это дышал сам чердак.

На четвертой ступеньке я задержался и снова прислушался, давая глазам привыкнуть к темноте. К моему удивлению, свет сквозь черепицу не проникал, значит, крыша в довольно хорошем состоянии. Тусклый серебристый свет, отраженный зеркалом и освещавший лестницу, мало помогал, но я смог различить на чердаке какие-то силуэты. Что-то вроде кресла. Что-то похожее на маленький квадратный комод. Чуть дальше, в углу между крышей и полом чердака, что-то вроде груды старой одежды. А может, еще какая-нибудь мебель странной формы, накрытая чехлом от пыли.

Я отчетливо чувствовал смрад сухой гнили. Но был еще и другой запах. Тонкий, сладковатый, как пахнет бытовой газ или разлагающаяся птичка, застрявшая в дымоходе. Я не мог определить, откуда он, но мне он определенно не понравился. Я решил позднее подняться сюда с фонариком и выяснить, в чем дело.

Только я собрался спуститься назад по лестнице, как снова услышал шорох. Он шел из самого дальнего и темного угла. Здесь наверху он был отчетливее и громче — явно не тихое шуршание белки или птицы. Звук больше напоминал возню кота, или очень крупной крысы, или даже собаки. Хотя я и не мог представить, как собака могла попасть на чердак.

Я громко шикнул, стараясь вспугнуть существо.

Шорох внезапно смолк. Но было непохоже, что существо испугалось и поспешно улизнуло. Скорее, оно замерло и выжидало, что я буду делать дальше. Я прислушался внимательнее, и на мгновение мне показалось, что я уловил звук хриплого дыхания. Хотя, наверное, это был всего лишь ветер.

Я снова шикнул, на этот раз еще решительнее.

Ответа не последовало. Я не боялся темноты и не особенно боялся животных, даже крыс. Один из моих друзей в Лондоне работал крысоловом при Ислингтонском совете. Однажды он поводил меня по канализациям, показывая жирных серых крыс, плававших в потоках человеческих фекалий. Ду-

Грэм Мастертон. ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЕ

маю, после этого меня уже ничто не напугает. Друг сказал: «Мы проходили недельный инструктаж в чигвеллском водохранилище, чтобы уметь моментально распознавать человеческое тело».

«Вам для этого потребовался недельный инструктаж?» — в недоумении спросил тогда я.

Я поднялся на последнюю ступеньку и шагнул вперед, вглядываясь во мрак чердака. Глаза долго привыкали к темноте. Мне показалось, что я увидел в дальнем углу какую-то фигуру, хотя не был уверен в этом. Она была меньше человеческой. Да и *не мог* человек уместиться в таком узком пространстве между крышей и полом. На ребенка фигура тоже не походила — слишком необычная и грузная. Кошек таких размеров мне тоже не встречалось.

Нет, мне просто померещилось. Наверное, это всего лишь старое меховое пальто, брошенное на стул. На чердаке было так темно, что мои глаза сыграли со мной злую шутку. Я видел шевелящиеся фигуры и тени там, где их быть не могло. Видел прозрачные капли, проплывающие по оболочке глазных яблок. Словно пыль, слезы или какие-то царапины.

Я сделал еще один шаг. Нога уткнулась в край твердого, прямоугольного предмета — ящика или коробки. Едва дыша, я прислушался. И хотя у меня было ощущение, что на чердаке находится *нечто*, наблюдающее за мной, ожидающее, когда я подойду ближе, я решил, что и так зашел уже слишком далеко.

На самом деле, я был уверен, что вижу его. Нечто очень темное, маленькое и напряженное — замершее в ожидании. И мне стало стыдно за себя, ведь логика подсказывала мне, что в худшем случае это крупная крыса.

Я не боялся крыс. Точнее сказать, не очень их боялся. Однажды я попытался прочесть ужастик про крыс, и в итоге благополучно уснул. Крысы — это всего лишь животные, и они боятся нас больше, чем мы их.

Я снова шикнул, на этот раз осторожнее. В тот же момент мне показалось, что фигура шевельнулась.

— *Пиш-ш-ш-ш-ш!*

Снова никакой реакции. Даже ветер, казалось, затаил дыхание, а чердак словно заполнился вакуумом. Я сделал шаг назад, потом еще один, пытаюсь нащупать у себя за спиной перила, равномерно, насколько это было возможно, удаляясь в направлении бледного отраженного зеркалом света.

Я ухватился за перила. И тут услышал, как существо пришло в движение. Но не удалялось прочь от меня. Не стало протискиваться в какую-нибудь темную щель, как обычно делают крысы. А двинулось в мою сторону, очень медленно. С не поддающимся описанию звуком, который издавали явно не только когти и мех, но и кое-что еще. Что-то такое, что заставило меня испугаться впервые с того момента, как я спустился в канализационный люк в Ислингтоне.

— *Пиш-ш-ш, иди отсюда!* — скомандовал я.

Грэм Мастертон. ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЕ

Я чувствовал себя глупо. Что, если там вообще ничего нет? Груда старого мусора, голубь, скребущийся о крышу. Действительно, что это могло быть, кроме птицы или мелкого грызуна? Летучая мышь? Возможно. Но летучие мыши неопасны, если не заражены бешенством. А крысы (если только не чувствуют голод или серьезную угрозу) гораздо больше заинтересованы в собственном выживании, чем в атаке на кого-то, кто может нанести в ответ куда более сокрушительный удар. Они трусливы.

Спина уткнулась в перила. Я ощутил сильнейшее желание убраться с чердака, причем быстро. Но, когда ступил на верхнюю ступеньку, ковер, придерживающий дверь, внезапно расправился, и она бесшумно захлопнулась. Щелкнул замок, и я оказался в полной темноте.

Я стал нащупывать ногой следующую ступеньку, но по какой-то странной причине все никак не мог до нее дотянуться. Лестничный проем казался пустым, как шахта лифта. Хотя меня охватила паника, я не мог заставить себя шагнуть в небытие.

— Дэнни! — закричал я. — Дэнни! Это папа! Я на чердаке!

Я прислушался. Ответа не было. Дэнни был так же вымотан, как и я. И обычно его ничто не могло разбудить. Ни раскаты грома, ни музыка, ни ругань родителей.

— Дэнни! Я на чердаке, а дверь захлопнулась!

Снова никакого ответа. Я двинулся вдоль верхней площадки лестницы, крепко держась за пери-

